Поджимая губы, Кушина с тревогой перебирала бусы чёток в своих руках. Она не могла оторвать взгляда от их призрачного вида, они были и твёрдыми, и воздушными… Они не нагревались ни от воздуха, ни от тепла человеческого тела, всегда оставаясь холодными. Джинчуурики Кьюби не имела ни единой догадки о том, чья душа могла заинтересовать Бога смерти, сколько бы не пыталась строить логические цепочки, а каждая следующая догадка казалась ей ещё бредовей предыдущей.

После первой неудачной попытки взять эти чётки руками, которые бы не принадлежали самой Кушине, она больше не позволила своему мужу что-либо предпринимать по этому поводу, а он очень сильно хотел: мужчина думал попробовать убрать ритуальный предмет с помощью посторонних вещей, затем предложил его и вовсе запечатать. Но девушка отказалась, не позволив проводить любые эксперименты над проклятыми бусами, ибо была убеждена, что последствия себя долго ждать не заставят. Даже если от чёток и выйдет избавиться, то Бог смерти наверняка найдёт способ получить своё, а если нет — плату будут взимать уже с неё лично и без всякого спроса, что было неприемлемо — джинчуурики не имеет права ставить свою жизнь под угрозу без исключительных обстоятельств, особенно когда не существует человека, способного стать потенциальной заменой старому сосуду.

В клане Узумаки начали поклоняться этому монстру с незапамятных времён, ещё тогда, когда «аловолосые демоны» носили другую фамилию, отличную от Узумаки. Знания о том, кто из её предков первым связался с этим монстром, давно канули в Лету, её отец почти всю свою жизнь посвятил изучению этого вопроса, но так и не получил каких-то ценных уникальных знаний. В клане красноволосых Бог смерти почитался, был важен и любим, считалось, что это именно он приносил благо и долгие года жизни всем Узумаки.

Однако Кушина ни разу не видела, чтобы её отец выражал почтение к этому существу вне публичных ритуалов. Она, вовлечённая во все святые процессии с самого детства, могла видеть и работу других жрецов храма масок, это касалось не только её отца. Определённо, родитель девушки был одержим идеей познать Бога смерти, раскрыть все его тайны, но ни о каком уважении к нему не шло и речи.

Потому что он всегда говорил, что Бог смерти — вовсе никакой не проводник душ в Чистый Мир, а их пожиратель, и даже не покровитель племени красноволосых. Его не интересовали беды Узумаки, он не испытывал жалости к детям и женщинам их клана, которые бежали от войны, он не вмешался даже тогда, когда чужаки крушили и уничтожали Деревню, Скрытую в Водовороте. Тем не менее каждый жрец прекрасно знал самую важную строчку из древнего контракта, который кто-то заключил с Ним: «Каждые десять лет, вне зависимости от обстоятельств, Бог смерти может потребовать у клана Узумаки что угодно».

Тем не менее своим правом жнец не пользовался на памяти Кушины никогда, или она об этом просто не слышала, да и вспомнила она об этом пункте только лишь после крайне неприятной ночной встречи… До того, как стало известно о судьбе будущего джинчуурики для тогда ещё совсем маленькой девочки, она готовилась унаследовать дело своего отца, тщательно изучая все писания и ритуалы, связанные с Ним. И она никогда не слышала и нигде не читала про то, что Бог смерти способен так явно взаимодействовать с материальным миром без участия ритуалов.

От дальнейших размышлений Кушину отвлёк звонок в дверь. Она вздрогнула, повернувшись туда лицом, используя свои слабые сенсорные способности. Они у неё, конечно, были практически бесполезны, но чтобы узнать находящегося рядом человека только лишь по чакре — годились вполне. За дверью стоял Хатаке Какаши, ученик её супруга. Узумаки, в некоторой степени чувствительная к чужим и своим негативным эмоциям из-за запечатанного в ней

девятихвостого лиса, почти сразу поняла, что у мальчика настроение так себе.

Недолго думая, девушка спрятала чётки в ящик комода и поспешила открыть дверь. Щёлкнул замок, дверь поддалась без всякого скрипа — дом был совсем-совсем новым, построили его меньше года назад, специально под заказ Минато Намикадзе. На пороге стоял ребёнок, половина лица которого была скрыта за чёрной тряпичной маской, открыты были только его уныло-серьёзные чёрные глаза и пепельные волосы, стоящие торчком из-за протектора на лбу.

— Ох, кто это тут у нас? — На сердце у общительной Кушины сразу отлегло, стоило ей встретиться со знакомым, настроение её переключилось практически мгновенно.

— Здравствуйте. — Скромно и коротко отозвался мальчик, потупив взгляд сразу же, когда встретился с большими фиолетовыми глазами красноволосой. — Простите за беспокойство.

Девушку всегда забавлял тот факт, что к ней Какаши относился уважительнее, чем даже к собственному учителю. По крайней мере в том смысле, что он время от времени разрешал самому себе фривольность, грубость и непочтительность по отношению к Жёлтой Молнии Конохи, но ни с чем подобным уже в свой адрес Узумаки не сталкивалась. В её компании Хатаке предпочитал хранить молчание, а вот Учиха Обито, например, уже не раз получал от неё оплеухи за свой развязный язык, который у него явно зудел — иначе такую разговорчивость было не объяснить.

Впрочем, общалась с подопечными своего мужа Кушина не так уж и часто, от силы раза три, так что знала она их не очень хорошо. Такой вот визит со стороны меланхоличного Какаши девушка ожидать никак не могла, да и, в чём бы она ему сейчас ни за что не призналась, его присутствие сейчас здесь было излишним. У неё имелись слишком большие заботы, чтобы тратить время ещё и на чужие, но всё же погнать чем-то обеспокоенного мальчишку ей духу не хватило. Да и быть в помещении одной после вчерашнего тоже не было приятным опытом, в любом случае она собиралась прогуляться, дабы освежить голову и привести разум в порядок, как и подобало джинчуурики.

— Да ну, нечего стесняться, проходи! — Гиперактивная с самого детства красноволосая особа возбуждённо махнула в сторону гостиной, освобождая проход. — Присядь где-нибудь, а я что-нибудь подготовлю…

Бледно-аметистовые глаза, практически серые, уже бегали по кухне. В поле зрения тут же угодила вазочка с песочным печеньем. Хатаке, с обеспокоенным стеснением оглядывая дом своего сенсея, нервно произнёс, прежде чем перешагнуть через порог:

— Извините за вторжение…

Но Узумаки Кушина никак не отреагировала и даже, казалось, не услышала, уже умчавшись за перегородку высотой по пояс, которая разделяла жилое пространство и кухню. Почти моментально она подхватила сладости и достала из холодильника стеклянную бутылку с холодным приторно-сладким «чаем» прямиком из магазина, через миг уже спеша обратно. Какаши, в свою очередь, даже осмотреться нормально не успел.

— Уж прости, сама я заваривать чай никогда не умела… — Кривовато улыбнувшись, Узумаки заняла своё место и положила перед гостем всё то, что могла предложить.

— Эм… — С растерянностью взирая на напиток и печенье, Хатаке не имел решимости взять их. — Спасибо.

— Ну так с чем пришёл, Какаши? — Не особо обратив на это внимание и подавшись вперёд, спросила Кушина. — Тебя что-то волнует? Что-то не так в команде?

— …Не совсем. — Неуверенно начал мальчик. — Я хотел попросить у вас совета.

О том, почему в качестве советчика Хатаке решил выбрать именно её, он умолчал. Пожалуй, даже плохо ориентирующемуся в чужих эмоциях Какаши было понятно, что повторять слова Жёлтой Молнии Конохи ему не стоило, потому как тот с ностальгической улыбкой говорил, что Кушина в свои академические годы являлась специалистом в области обид, конфликтов и ссор! Мальчик не думал, что эта информация ему может когда-либо понадобиться, но судьба распорядилась по-иному. Однако Хатаке не представлял, как ему следует описать сложившуюся проблему, что заставило нетерпеливую Узумаки поторопить его:

— И какого рода совет? — На лице девушки расцвела загадочная хитрая улыбка. — С друзьями поссорился?

— Эм… Нет? — По-прежнему растерянно ответил он. — Не ссорился, моя проблема в другом.

— Ну тогда говори, Какаши, не томи! — Улыбка Кушины стала заметно шире, теперь она буквально пылала интересом.

Что же могло так сильно выбить кого-то, вроде апатичного и отстранённого гения по типу Хатаке Какаши? Сама красноволосая всегда смотрела на подобных ему гениев предвзято, даже Минато Намикадзе, носитель такого же редкого таланта, какой был и у сына Белого Клыка, если не превосходящего, не мог избежать негодования Кровавой Хабанеро… Будущий герой Листа тоже поначалу не нравился чувствительному девичьему сердцу, он казался девчушке высокомерным, напыщенным и наглым, когда будущая джинчуурики и голубоглазый блондин только познакомились в академии. Впрочем, Минато оказался очень хорошим и мягким человеком по итогу, так что Кушина была очень рада, что ошиблась. С тех пор Узумаки усердно боролась с первыми впечатлениями о людях, стараясь более не быть предвзятой.

— Меня… М-меня победили, я думаю. — С трудом выдавив из себя эти слова, Какаши стыдливо опустил взгляд и сжал кулаки. — Мой одногодка или, может быть, чуть старше меня, не знаю…

— А-а-а… — Понятливо протянула девушка, неловко почесав шею. — Ну… Просто возьми реванш? Наподдай ему в честном бою!

Кушина, соответствуя своему прозвищу из детства, кровожадно ухмыльнулась и стукнула кулаками друг об друга. Ей было трудно в своё время понять причины ребяческих драк и обид, которые, казалось, порой происходили даже без повода. В какой-то момент ей стало ясно — мальчики очень не любят проигрывать, в некоторой степени это касалось даже её любимого и мирного Минато.

— Не получится. — Рассеянно ответил Какаши, уж как-то совсем побледнев. — Это не будет честно, он же даже в академию ходит всего четвёртый день…

— Что? — Алые брови так и поползли вверх. — Он из клана?

— Нет…

— Его родители — сильные шиноби?

— Нет…

— …? — На лице Кушины был прямо-таки написан один единственный вопрос, который вслух она озвучить не решилась даже со всей своей прямолинейностью.

Ей не хотелось громить и так потрёпанную самоуверенность ребёнка.

— Он обладает какой-то странной и очень опасной техникой. — Будто оправдываясь, тихо пояснил Хатаке. — Всё, что к нему приближается, очень быстро замедляется.

— Воу. — Даже слегка приоткрыв рот, она дала крайне красноречивый ответ. — Действительно всё замедляется?

Какаши только подтверждающе мотнул головой. Кушина всерьёз задумалась и положила руку под подбородок. Если пепельноволосый уже сказал, что реванш «не будет честен» из-за того небольшого количества времени, в течение которого его неприятель обучался, то это значит только одно — тактику по борьбе со страшной способностью противника он набросил и уже хорошенько обмозговал. Другими словами, Хатаке попал в ловушку собственных гордости и чести.

В этом мире слово «честь» в контексте шиноби никем, кроме, собственно, самих ниндзя, всерьёз не воспринимается. Мало кто назовёт шиноби подлецом, но почти каждый будет думать именно так — самураи из Страны Железа, например, относятся к ним крайне пренебрежительно.

На самом деле сами ниндзя считали, что их честь шагает бок о бок с гордыней. Таким образом Какаши не мог быть удовлетворён победой над тем, кто даже тайдзюцу нормально не знал, что уж там говорить про серьёзные ниндзюцу. Его бы не беспокоила «чистота» победы, не проиграй он этому пареньку раньше. Сейчас же всё было совсем иначе. Ему требовалась показательная победа против того, кто так его унизил. По крайней мере именно таким образом он воспринимал тот инцидент. Ждать, пока недруг выпустится из академии, ему, очевидно, тоже было невмоготу.

— Может, предложишь ему тренироваться с тобой? —Дала совет Кушина, пожав плечами. — Как раз научишься лучше общаться со сверстниками, Какаши.

Из-за последних слов мальчик слегка покраснел, увидеть этого под маской было нельзя, но вот его нахмуренные брови — ещё как. Узумаки Кушина ехидно ухмыльнулась, губы её покинул удовлетворённый смешок. Помимо брошенного в его огород камня, в этих словах был и фактический смысл — Хатаке был уверен в своей возможности быстро объяснить всё самое важное, что он выжал для себя из пройденного в краткие сроки курса академии, другому человеку. В конце концов что тут могло быть сложного, ведь Минато Намикадзе же справлялся с их обучением!

«Какой-нибудь Обито этому Сатору определённо не чета, в отличие от придурка-Учиха он точно не глуп… — Молодой шиноби активно размышлял. — Специально же именно к нему цеплялся, точно понял, как тот отреагирует. Возможно, что-то из этого и выйдет.»

Для него очень хорошо, что соломенная голова так стремится к становлению шиноби.

— Спасибо вам большое, леди Кушина. — Какаши учтиво кивнул и поднялся из-за стола.

— На вот тебе. — По-доброму улыбнувшись, девушка буквально всунула холодный сладкий чай из холодильника в руки мальчишки, заставив того опешить. — Выпьешь по дороге!

— Хорошо… Спасибо! — Коротко бросив очередную благодарность напоследок, Хатаке поспешил на выход.

Дверь за ним закрылась едва слышимо, шумным он никогда не был. Кровавая Хабанеро утомлённо выдохнула и помассировала лоб. Собственно, это было связано не с уже ушедшим гостем, а с треклятыми чётками, про которые она вспомнила почти сразу же… Естественно, покоя ей они теперь не дадут. Девушка, неспешно подойдя к комоду, открыла ящик.

— … — Кровь вновь отхлынула от женского лица уже через секунду, сделав её белее чистейшего покрывала.

Ритуальной связки бус, принадлежавшей Богу смерти, на прежнем месте уже не было.

***

Сын Белого Клыка Листа перемещался по крышам зданий рывками, размываясь в воздухе с каждым прыжком. Однако он не мог почувствовать и даже увидеть, что прямо за ним увязалась странная вещь — ритуальные чётки. Плавая в воздухе, они не отставали от юного гения ни на один сантиметр, при этом сохраняя до ужаса неестественную плавность, словно бы предмет не следовал за ним, а его просто привязали к мальчику незримой нитью.

Хатаке Какаши искал человека, и Бог смерти точно знал, какого именно.

http://tl.rulate.ru/book/100919/3559966